

Ведерникова Т.И.¹

**Северорусский традиционный свадебный обряд
(по материалам экспедиции кафедры этнографии исторического факультета
МГУ 1973 г. в Архангельскую область)**

Аннотация. В данной статье на основе материалов, собранных в ходе этнографической экспедиции 1973 г. в Устьянский район Архангельской области, рассматривается северорусская традиционная свадьба как драматургический обряд «перехода». Внимание автора сконцентрировано главным образом на фигуре невесты, т.к. ее социальный статус после свадьбы меняется кардинальным образом, в отличие от социального статуса жениха. Также посредством замужества девушка совершает переход в горизонтальном и в вертикальном направлениях. Автор подробно описывает все этапы подготовки и проведения свадебного обряда. Анализ данного неотъемлемого элемента жизни любой социальной общности показывает, что для Русского Севера была характерна свадьба-драма, рассматривавшаяся как переход от счастливой жизни к неизвестному и пугающему будущему.

Ключевые слова: свадебный обряд, Русский Север, Устьяны, обряды перехода, русское крестьянство

УДК 908+910.4

Abstract. In this article on the basis of materials collected during ethnographic expedition 1973 in Ustyansky district Arkhangelsk region the Russian North traditional wedding is considered as a dramatic ritual of "transition". The author's attention is concentrated mainly on the figure of the bride since her social status after marriage changes radically in contrast to the social status of the groom. By her marriage she makes this transition in horizontal and in vertical directions. The author describes in detail all the stages of preparation and holding of the wedding ceremony. The analysis of this essential element of the life of any social community shows that for the Russian North the wedding-drama was typical and it was considered as a transition from a happy life to an unknown and frightening future.

Key words: bride ceremony, Russian North, Ustiansy, rites of passage, Russian peasants

Статья выполнена на основе полевого материала, полученного автором в ходе этнографической экспедиции в Устьянский район (деревни Синики, Капустино, Б. Пенье, село Строевское)

---

¹ *Ведерникова Тамара Ивановна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории культуры Самарского государственного института культуры

Архангельской области. Экспедиция была организована в летний сезон 1973 г. кафедрой этнографии исторического факультета МГУ, под руководством доцента Геннадия Герасимовича Громова и его помощника – тогда студента 3 курса Алексея Никишенкова. В состав группы входили Тамара Ведерникова, Лена Габец, Лера Гуличева. С теплом и ностальгией вспоминаются отдельные эпизоды этой экспедиции.

Один из них связан с клюквой, протертой с сахаром. Когда мы в Москве сели в поезд и достали нашу «провизию», я выставила банку клюквы. Г. Г. Громов недовольно произнес: «13-й год еду на Север, 13-й раз какая-нибудь коза приносит клюкву, протертую с сахаром; 12 раз с ней что-нибудь случилось...». Несмотря на его возражения, мы открыли банку и съели только половину клюквы; при выходе из поезда сложили остатки продуктов в сетку-редушку. Дальше, до села, мы летели маленьким самолетом – 8-местной «Аннушкой». Леша сел, сетку повесил над своей головой. В момент, когда началась «болтанка» самолета в воздухе, Г. Г. Громов показал мне пальцем, как по волосам Леша, постриженным «ежиком», стекает нечто красное. Я решила, что у него лопнул и фонтанирует кровеносный сосуд, бросилась к Алексею, чтобы прикрыть рану носовым платком. Удивлению Леша не было предела, а я поняла, что это из сетки, из-под взбухшей капроновой крышки стекает та самая клюковка...

Рис.1 Река Устья в районе села Бестужева (Устьянский район, Архангельская область). 22 июля 2014. Материалы Севернорусской экспедиции 2014 г. Фото А. В. Тутурского

Другой эпизод связан с нашими походами. Однажды мы шли в деревню через мелкую, но холодную речку, другого пути не было. Леша нас всех по очереди переносил на руках. Г. Г. Громов оставался дома. Я у своего информатора «раздобыла» резную, покрытую растительным орнаментом и золотой краской деревянную «ногу» – деталь церковного убранства. Когда ее увидел «шеф», он приказал немедленно отнести этот «шедевр» обратно. Пришлось нам с Лешей проделать указанный путь еще раз.

У Алексея Алексеевича вышло несколько работ, в которых он использовал свои севернорусские материалы².

Собранные автором данной статьи этнографические материалы и фольклорные тексты в Устьянском районе Архангельской области в полной мере согласуются с теоретическими разработками традиционного свадебного обряда русского Севера.

* * *

В работе анализируется драматургия севернорусской традиционной свадьбы, как обряда «перехода». Единой основой обрядов перехода является универсальное представление «через смерть – к новому рождению». Г. А. Левинтон отмечал: «Всякий возрастной переход мыслится в фольклоре как смерть и последующее воскресение». Свадебный обряд «...есть некоторый социальный регулятор, одна из функций которого состоит в том, что он переводит жениха и невесту из младшей возрастной группы в старшую. Русская свадьба концентрирует внимание главным образом на невесте, поэтому для неё этот переход более существенен, чем для жениха»³. Для невесты – это иерархический («вертикальный») переход из одной социальной группы в другую. Одновременно она совершает и «горизонтальный» переход – из одной семьи в другую. Невеста в процессе инициации переступает границу между двумя мирами: отделяясь от своей общины, «умирает» в прежнем качестве, и возрождается в новом – становится членом семьи мужа, приобретает новый социальный статус женщины.

На материале фольклорных текстов рассмотрим семантику севернорусской свадьбы с двух позиций обрядового перехода – коммуникативной (горизонтальной), обусловленной контактами двух родов (семей) и принятием невесты в новую родню; и инициационной (вертикальной), связанной с перерождением девушки в женщину.

Контакты между двумя группами родственников, сопровождавшиеся обменом дарами, осуществлялись на всем протяжении свадьбы, начиная с предсвадебных обрядов, включая второй день

---

²Никишенков А. А. Встреча на родине М. В. Ломоносова: творческий союз двух замечательных этнографов – Петра Саввича и Александры Яковлевны Ефименко // Прошлое и настоящее этнологических исследований. Сборник научных статей, посвященных 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова / под ред. Н. Л. Мехедова. — М., 2011. С. 25–42; Никишенков А. А. и др. Проблемы этнографического изучения русского крестьянства (соционормативная культура). Учебно-методическое пособие / под ред. А. А. Никишенкова. — М. : Новый хронограф, 2010.

³Левинтон Г. А. Мужской и женский текст в свадебном обряде (свадьба как диалог) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения / ред. Байбури А. К., Кон И. С. — СПб. : Наука, 1991. С. 210.

после свадьбы. Важность этих обрядов отмечал Арнольд ван Геннеп: «Обмен подарками обладает непосредственной силой воздействия, это принудительный акт: принять от какого-либо человека подарок – значит связать себя с ним»⁴.

Во время договора определялся состав приданого невесты и назначение «кладки» за нее. Возмещение утраты в семье невесты сваты обязаны компенсировать, поскольку род жениха приобретает и нового члена семейного коллектива, и новую рабочую силу: «Отделение человека от определённых групп ослабляет их, но одновременно усиливает другие; урон является численным, экономическим и моральным одновременно. Отсюда практика, согласно которой сторона, ставшая сильнее, компенсирует ослабление другой стороны. Обряды «выкупа» всегда совпадают с обрядами отделения»⁵.

Особое значение в предсвадебном периоде играет запой, при котором встреча двух родов, совместная трапеза направлены на сближение двух семей. Помимо экономической темы, здесь звучит впервые тема прощания невесты с родным домом. После того, как родители невесты принимали угощения от сватов и выпивали первую рюмку вина, невеста начинала причитать, а девушки запевали прощальные песни. Такой неотъемлемый этап свадьбы как запой, по сути, первый из обрядов включения невесты в другую семью, здесь происходит санкционирование общиной возникновения новой семьи.

Весь период от сговора (запоя) до первого дня свадьбы заполнен подготовкой к ней: невестой и ее подругами устраивались «кройки», шились «дары» всей родне – будущим участникам свадьбы.

По информации старожилов указанных селений Архангельской области, свататься приходил жених с матерью или отцом. С собой они приносили вино, которое пили в любом случае – согласна невеста или нет. Если жених получал отказ, деньги семья невесты за выпитое вино возвращала. После сватанья дня через 2 – 3 происходила уговорка. На этом этапе обе семьи договаривались о сроке свадьбы, «кроили дары». Локальные особенности свадьбы в отдельных селениях проявляются в отношении к приданому невесты. Так, в д. Синики обязательное приданое измерялось деньгами, зерном, скотом, землей. В с. Строевском приданое было необходимо лишь в том случае, если невеста обладала какими-то недостатками (бедность, уродство), которые ей мешают выйти замуж. Мать жениха сообщала, сколько даров невеста должна подготовить к свадьбе.

После уговорки невеста на протяжении 1 – 2 недель (до дня свадьбы) шила дары: самой близкой родне жениха – рубахи с чеканами (вышивкой), свекрови – рубаху, полотенце, сарафан, горшочник (короткое полотенце), родственникам более дальним – платы – вышитые полотенца с пришитыми

⁴Геннеп А. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. Пер. с фр. Ю. В. Ивановой, Л. В. Покровской. - М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. С. 32.

⁵Там же. С. 111 – 115.

кружевами. Шить дары невеста приглашала своих подруг. Они помогали невесте и катать (гладить) дары. Невеста благодарила помощниц песней:

«Спасибо, любушки, пришли, послушали,
Покатали дарьице, девье рукодельице;
Что не по людям пойдет, да не людям достанется,
Скомлю в комочки, брошу в уголочки;
Что по людям пойдет, да людям достанется,
Свяжу в узелочки, запру под замочки»⁶.

В тексте акцентируется внимание на антагонизме «своего» и «чужого» рода. В причитаниях невесты звучит противопоставление своей родни и родни жениха, как «люди» – «не люди».

«Изоляция» невесты выражается тем, что она не покидает родного дома, её жизненное пространство сужается. От лица невесты – «сговорёнки» – выступают ее подруги, которые во время подготовительного периода несколько раз посещают дом жениха, передают ему венчальную одежду, перевозят постель, ходят за веником и мылом. Каждый раз девушек угощают в доме жениха и в ответ на подарки невесты передают ей свои. Молодёжь становится активным участником подготовительного периода. Г. А. Левинтон отмечает: «Девушки имеют ряд чисто ритуальных привилегий: им, и только им можно исполнять некоторые обряды. Это право они теряют, выходя замуж»⁷.

Жених и его мать тоже неоднократно посещают невесту, мать жениха угощает девушек; при этом особое значение придавалось ритуальному хлебу. Здесь раскрывается семантическая связь хлеба – «жита» с идеями новой жизни, плодородия, достатка, изобилия. «Каравай рассматривался в качестве жертвы, воплощения счастья и доли; отмечалась его связь с образами жениха и невесты, солнца и месяца, с концепцией мирового древа»⁸.

Параллельно с коммуникативной линией обрядовых церемоний развивается и линия инициации, связанная с изменением социального статуса невесты. В традиционном обряде инициационная символика пронизывает весь обряд, начиная с «изоляции» просватанной девушки и заканчивая ее презентацией в новом качестве, как женщины и члена новой семьи, на второй день свадьбы. В предсвадебном периоде особую роль играл девичник, во время которого организуются «баня невесты», «расплетание косы», «раздаривание» девичьих лент подругам, «прощание с красотой», как

⁶Записано от Воловой Марии Павлиновны, 1900 г.р., д. Б. Пенье // Личный архив автора.

⁷Левинтон Г. А. Указ. соч. С. 212.

⁸Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре (Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов). – СПб. : Наука, 1993. С. 81.

обряды отчуждения от своей общины. «Красота – символ того, что теряет невеста. Это и девственность в чисто физическом смысле, и социальное положение девушки»⁹.

В исследуемых нами селениях девичник органично вписывался в драматургию первого дня свадьбы (мест. «прииждены» - свадебное пиршество сначала в доме невесты, потом – в доме жениха), сразу после дня «катания даров». За невестой в ее дом приходили жених с родственниками – 15-20 человек («поезжана» – д. Синики; «прибор» – д. Б. Пенье). Впереди всех шла «божатка» – крестная жениха, руководитель и организатор свадьбы. У нее в руках – ящик с пирогами и шаньгами. Невеста, увидев жениха, уходила в другую избу, где ее собирали для выхода к жениху ее «божатка» и мать. Невеста громко причитала:

«Все нашли, наехали
Сила – рать великая,
Да люди незнакомые.
Не успел мой тятенька
Ворот призатворити,
Да двери призахлопнути.
Во полон полонили,
Да во корень разорили
Родимого тятеньку,
Меня – красну девицу
Из поместья выжили»¹⁰.

Или: «Я ходила в лес по ягоды,
Во сырой бор по грибы;
Увидала я медведя лютого,
Я не испугалася,
Я не перепалася;
А сегодня уж я тех людей
Больно испугалася,
Больно перепалася»¹¹.

⁹Левинтон Г. А. Указ. соч. С. 211.

¹⁰ Записано от Синицкой Марии Дмитриевны, 1895 г.р., д. Синики // Личный архив автора.

¹¹ Записано от Воловой Марии Павлиновны, 1900 г.р., д. Б. Пенье // Личный архив автора.

Невесту выводили к жениху; на ней была одета шелковая «лопотинка» (платье или юбка с кофтой); на голове – почёлок, сверху – репсовый платок «в роспуск» с кистями, закрывающими лицо; поверх платка – ленточка; на руках – «маньсы» (белые перчатки без пальцев). При входе в избу, где сидят приехавшие гости, невеста 3 раза хлопает дверью со словами: «Вижу я вечера своего». Божатка и сама невеста дарят гостям дары. Божатка говорит тысяцкому жениха: «Мы дарили вас тонким полотном, вы дарите нас серебром да золотом. Медью вы нас не дарите, нашу невесту не срамите». Невесте дарят деньги. После этого божатка продолжает, обращаясь к тысяцкому: «На ногу поставил, на другую поставь». Крестный жениха 3 раза подает вино. Божатка снова: «Не бывает избушка о трех углах, а бывает о четырех». Крестный снова наливает вино.

Производимые далее обряды информаторы называли «девичником»; они свидетельствуют об отделении невесты от своих подруг и в целом – от социо-возрастной группы молодежи. Невеста идет за стол к жениху. Он берет бутылку с вином, невеста держит рюмочки и зазывает своих подруг к столу, они выпивают и отходят. Жених невесту обнимает, целует «в кресты» (трижды поочередно в лоб – губы – обе щеки). Невеста снова причитает:

«Пристыдил чуж-чужанин
Меня – красну девицу
При отце, при матери,
При родне, при племени,
При братьях, при сестрицах.
Я недолго стояла,
А много простояла;
Простояла дивну-честну красоту,
А еще простояла батюшку и матушку»¹².

После этого девки или уходят в другую избу, или из этой же выгоняют поезжан (прибор). Около «ковриг» (круглый хлеб) садятся «песельницы». Невеста и подруги причитают. Приходят ребята, стоят у порога. Невеста произносит: « Попрошу у мамушки чашничка и стольничка пивного». Приходят отец и мать, приносят пиво на оловянных подносах. Девки зовут парней выпить с ними пива, попеть, поплясать: «Подойди..., подступи близко красных девушек, не ломайся». Все парни рассаживаются к своим девушкам. Невеста произносит: «Попрошу у мамушки я сенца зеленого. Не жалея мне, мамушка, того сенца зеленого, я сама накосила». Мать несет сено, укладывает его на пол. Невеста падает на колени перед матерью и отцом. Подружки при этом поют по очереди матери и отцу: «Родимая

¹² Записано от Синицкой Марии Дмитриевны, 1895 г.р., д. Синики // Личный архив автора.

маменька (тятенька), дай благословеньице, великое прощеньице». Родители благословляют дочь иконой, целуют «в кресты».

После благословения молодежь начинает плясать. Любой парень сначала пляшет с невестой. Если на девичнике присутствуют уже просватанные девушки, они тоже причитают: «Спасибо тебе, любушка, за гостьбу великую».

На девичнике (в д. Синики) жених дарил невесте кокошник – шелковый, с лентой. Подразнит кокошником, на третий раз отдает. Невеста бросает кокошник подругам – оценить. Они его «хулят», обсмеивают: «Не **любое** сдарьице, шамшура–кикимора». Вс. Строевском невеста шила кокошник сама, или ей кто-то шил, она везла его в церковь. В послевоенные годы 1 - 2 кокошника было на всю деревню, его каждый жених выкупал у предыдущей невесты¹³.

Передача невесты жениху после выкупа – кульминация всей свадебной драматургии. Отец передает невесту на руки жениху, обращаясь к нему со словами: «У меня хороша, у тебя пусть лучше будет». Девушки произносят: «Отдал батюшко со родимых рученок, да на злошастны **пашелки**». После поют:

«Да что вечер набожилася,
Да что за этого я, право, не пойду,
Да что сегодня поутру пришли;
Да что за столом стоит окручена,
Да алой лентой перевязана,
Да ко венцу везти снаряжена,
Да что отстала лебедь белая,
Да что от стада лебединого,
Да приставала лебедь белая
Да что ко стаду, ко серым гусям.
Серы гуси стали клевати,
Да незнакомы стали щипати,
Да не сама я к вам залетела,
Да занесло меня погодою,
Да непогодою, да частым дождиком,
Да частым дождиком, да ветером.
Да мы вам спели же припевочку,
Да нам за эту за припевочку

¹³Т. Ведерниковой и А. Никишенкову был подарен кокошник - один из последних в д. Синики, выполненный из кудели, с золотой ниткой и речным жемчугом. Сегодня он находится в фондах Архангельского краеведческого музея.

Серебра да на тарелочку;
Серебра у вас не водится,
Да по поклону с вас обойдется,
Да по поклону да по низкому,
Да по спасибу по великому»¹⁴.

Невеста подзывает любимую подружку, подает ей решето с гостинцами. Девушки уходят в другую избу, там продолжают праздновать. Невеста тем временем идет переодеваться «к венцу». Причитает, прощаясь с родимой стороной: «Прощай, сторона любимая, сенокосы чистые, хожья знакомые».

Увоз невесты женихом воспринимается как своего рода её смерть, тем более, что всякий возрастной переход тоже мыслится в фольклоре как смерть и последующее воскресение. Пребывание между двумя мирами отражает двойственность, промежуточность временного статуса невесты, до момента выкупа она была как бы «ничья», но теперь совершает основное инициационное и пространственное перемещение. Провожая жениха и невесту «к венцу», все гости поют:

«Да не во марте было месяце,
Да во Китае было городе,
Против зеркала немецкого
Тут сидел добрый молодец,
Да он чесал больну голову,
Да больну голову – русы кудри.
Да ко кудрям он приговаривал:
«Да завивайтесь, кудри русые,
Да к моему же лицу белому,
Да привыкай-ко, красна девица,
К моему же уму-разуму,
К молодецкому характеру»¹⁵.

В церковь едут жених с невестой, божатка и тысяцкий. В церкви божатка снимает с невесты платок и почёлок, расплетает косу; после венчания заплетает 2 косы¹⁶, надевает кокошник (самшуру – мест.), повязывает поверх платок. Этот обряд «окручивания» молодой является продолжением

¹⁴ Записано от Воловой Марии Павлиновны, 1900 г.р., д. Б. Пенье // Личный архив автора.

¹⁵ Записано от Воловой Марии Павлиновны, 1900 г.р., д. Б. Пенье // Личный архив автора.

¹⁶ По представлениям респондентов, «раньше невеста была связана с одним родом, теперь – с двумя».

вертикальной линии ритуала. Смена причёски и головного убора невесты – дополнение церемонии передачи невесты жениху.

Обряды включения невесты в новую родню (презентация в новом качестве) начинались коллективным участием в религиозном таинстве брака, встречей невесты и жениха у дома его родителей, совместным перешагиванием ими границы – порога, а также – свадебным застольем – совместной трапезой в первый день свадьбы. Уникальный обычай отрубать топором невестину косу на пороге женихова дома и выбрасывать ее за забор был зафиксирован в д. Капустино; в условиях 1920-х гг. брак был не венчанный. Порог в данном случае рассматривается в качестве границы между «жизнями».

Часто отец и мать невесты не присутствовали на свадьбе в доме жениха. В этом случае их ходили приглашать родственники жениха на второй день свадьбы – «звали гордых».

Свадебные обряды продолжались на второй день проверкой молодой на честность и хорошее воспитание (после брачной постели); в случае обмана со стороны невесты парни – жениховы друзья могли пойти обмазать ворота дегтем в усадьбе невестиных родителей.

Три дня свадьба продолжалась в доме жениха, в ряде мест свадебный цикл завершался последним пиром в доме родителей невесты – «хлебниками».

Таким образом, северорусская свадьба целиком и полностью демонстрирует семантическое поле обрядов «перехода». Именно для северорусской традиции была характерна свадьба–драма, в отличие от южнорусской свадьбы–веселья. В исследуемой нами свадьбе присутствует наибольшая вербальная активность невесты, которая с просватанья до «выводного стола» в день свадьбы произносила много причитаний речитативного характера (соло, в сопровождении хора причитающих или поющих девушек, или подголосницы), когда посещала родных, прощалась на девичнике с подружками, «вопила» при расплетании косы и т. д. Для северно-русских традиций характерен послесвадебный обряд «звать гордых» – родителей невесты; обряд «хлебники»– посещение новобрачными ближайших родственников со стороны молодого и молодухи.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре (Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов). СПб.: Наука, 1993.
2. Геннеп А. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. Пер. с фр. Ю. В. Ивановой, Л. В. Покровской. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999.
3. Левинтон Г. А. Мужской и женский текст в свадебном обряде (свадьба как диалог) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения / ред. Байбурин А. К., Кон И. С. СПб.: Наука, 1991.

4. Никишенков А. А. Встреча на родине М. В. Ломоносова: творческий союз двух замечательных этнографов – Петра Саввича и Александры Яковлевны Ефименко // Прошлое и настоящее этнологических исследований. Сборник научных статей, посвященных 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова / под ред. Н. Л. Мехедова. — М., 2011.
5. Проблемы этнографического изучения русского крестьянства (соционормативная культура). Учебно-методическое пособие / под ред. А. А. Никишенкова. – М.: Новый хронограф, 2010.

BIBLIOGRAPHY

1. Baiburin A. K. Ritual v traditsionnoi kul'ture (Strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavyanskikh obryadov). SPb.: Nauka, 1993.
2. Gennep A. Obryady perekhoda: Sistematischeskoe izuchenie obryadov. Per. s fr. Yu. V. Ivanovoi, L.V. Pokrovskoi. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1999.
3. Levinton G. A. Muzhskoi i zhenskii tekst v svadebnom obryade (svad'ba kak dialog) // Etnicheskie stereotipy muzhskogo i zhenskogo povedeniya / red. Baiburin A. K., Kon I. S. SPb.: Nauka, 1991.
4. Nikishenkov A. A. Vstrecha na rodine M. V. Lomonosova: tvorcheskii soyuz dvukh zamechatel'nykh etnografov – Petra Savvicha i Aleksandry Yakovlevny Efimenko // Proshloe i nastoyashchee etnologicheskikh issledovaniy. Sbornik nauchnykh statei, posvyashchennykh 300-letiyu so dnya rozhdeniya M. V. Lomonosova / pod red. N. L. Mekhedova. — M., 2011.
5. Problemy etnograficheskogo izucheniya russkogo krest'yanstva (sotsionormativnaya kul'tura). Uchebno-metodicheskoe posobie / pod red. A. A. Nikishenkova. – M. : Novyi khronograf, 2010.